

ИЛЬЯ МАШКОВ

О черк Игоря Грабаря

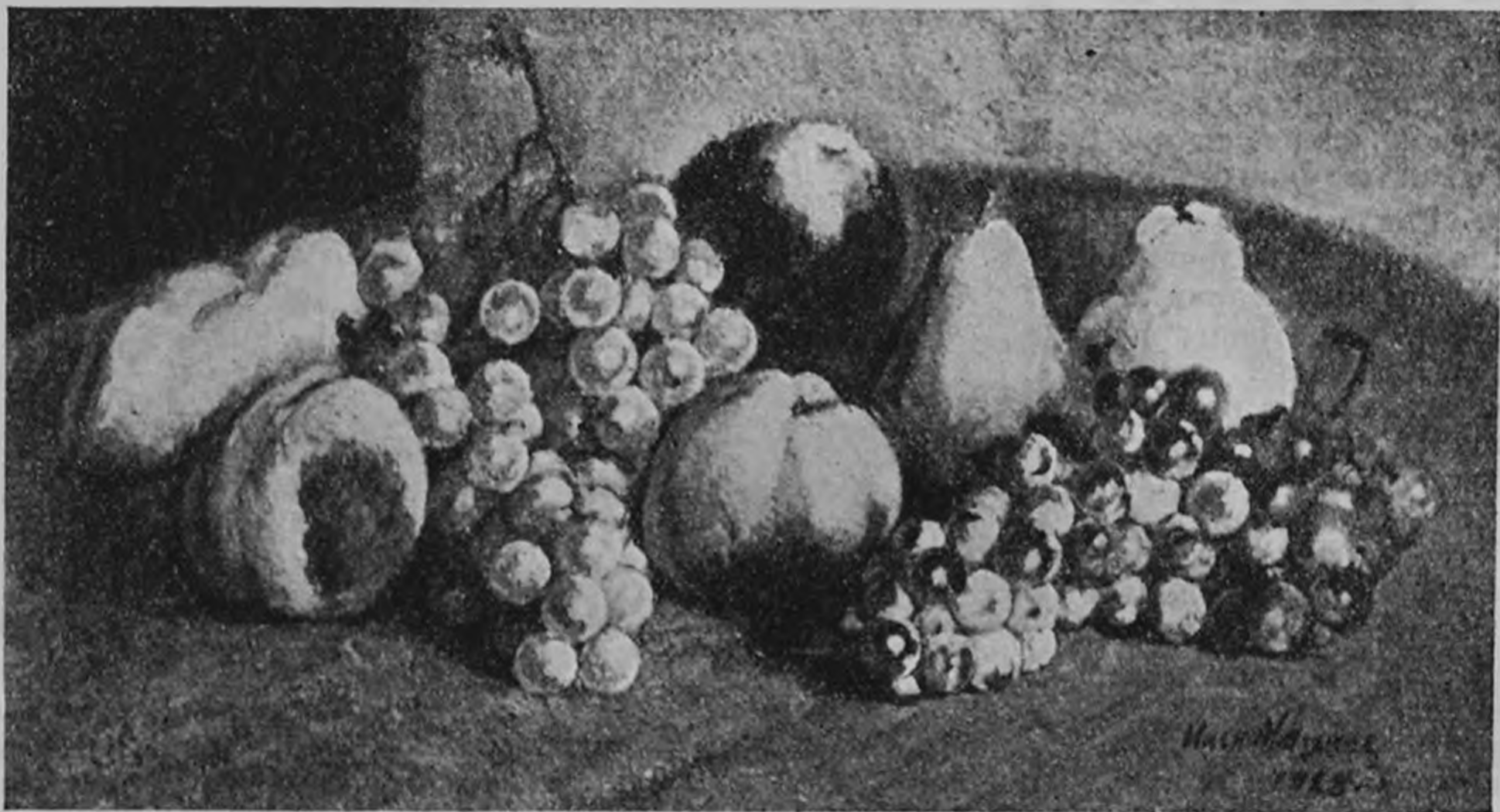
Зимой 1914—15 гг. в Деловом Дворе в Москве — нынешнем здании ВСНХ — была организована выставка «Художники—товарищам-воинам». На ней была одна вещь, меня прямо очаровавшая: блестяще написанный этюд овощей — тыква, баклажаны, перец — подписанный мало говорившей широкой публике фамилией Машкова, нам, художникам, тогда уже хорошо знакомой. Этюд был написан с таким сверкающим мастерством, что он невольно вызывал в памяти каких-то больших старых мастеров — Рубенса, Пурданса, Снейдерса. Закончив в то время работу по перевеске картин Третьяковской Галереи и увидав, как мало она отражает новейшие течения в живописи, я поставил себе целью во что бы то ни стало пополнить ее образцами новой живописи. Машковский этюд, соединявший в себе в одно и то же время поразительное техническое совершенство и последнее слово живописных исканий тогдашнего дня, казалось был самой судьбою предназначен для того, чтобы именно с него начать новую веку пополнений Третьяковки. Однако, ни автора не было на выставке, ни заведующий не мог дать сведений о цене данной вещи. Кроме нее я наметил еще один этюд, изображавший цветы, — камелию.

Я отправился на другую выставку, тоже «военную»: тогда все было на полувоенной ноге. Выставка эта помещалась в Камергерском переулке, рядом с Художественным театром, и сбор с нее был предназначен на какие-то военные нужды. В первом же зале я увидел ряд вещей того же Машкова и среди них самого автора, что-то дописывавшего и где-то крившего лаком. Когда я сообщил ему о своем намерении приобрести две его картины в Третьяковскую Галерею и наговорил ему всяких комплиментов о его живописном мастерстве, он просил, но как-будто не сразу поверил, — до того это казалось ему невероятным.

И действительно, невероятно было, что лучшие наши молодые живописцы, сейчас давно прославленные мастера, абсолютно игнорировались, обходились музеями, которые приобретали большую частью произведения средних и посредственных авторов, имевших лишь то достоинство, что они никого не возмущали и не вызывали скандала.

Глядя на замечательный натюрморт Машкова, я спрашивал себя: куда же пойдет этот человек, уже сейчас владеющий таким исключительным мастерством? Реалист по натуре и своим вкусам, он отдал лишь мимолетнюю дань тому всеобщему тяготению к «левизне» в искусстве, которое было

характерно для 1909—1912 годов. Он не очень «футурил», и все «измы» ему скоро осточертели. Написав этот натюрморт Третьяковской Галереи, он уже почувствовал твердую почву под ногами и пошел шагать в ясно-осознанном направлении. В течение 1915—1917 гг. он продолжает развивать свое мастерство и дает ряд цветовых решений, в которых его живописное неистовство достигает высшей свободы, не переходя в распушенность. Все картины этого периода, некогда бывшие в собрании Исаджанова, принадлежат теперь Третьяков

И. Машков

Фрукты^а

ской Галереи. Между тем «болезнь левизны» не только не унималась а, напротив того, все усиливалась, дойдя в первые годы революции до размеров поистине фантастических. Была объявлена беспощадная война «предмету» в искусстве. Искусство должно было стать «беспредметным», самодовлеющим.

Вот тут-то Машков противопоставил свою антитезу, начав серию работ, в которых он восстанавливал право предмета в станковой живописи. В своих пейзажах, портретах и особенно натюрмортах 1922—1924 гг. он как бы возводит предмет в перд создания, ставя его в краю угла своих картин. Этот новый стимул определяет характер последнего периода машковской живописи, архипредметной и архиреалистической. Его замечательные композиции из овощей и фруктов, энергично написанная мясная туша, сильно трактованные пейзажи, портреты и группы купальщиков и купальщиц на Крымском побережье принадлежат к числу лучших живописных работ нашего времени. Не навеянные никакими течениями, идущими с Запада, они являются глубоко самостоятельным и индивидуальным толкованием природы, виденной сквозь исключительно живописный темперамент.

Трудно предугадать дальнейший путь развития этого искусства, но думается, что он будет продиктован теми сложными тематическими замыслами, с которыми Машков носится в последнее время. В связи с ними его натюрморты также примут какие-то новые формы и вероятно более грандиозные размеры.

Я ни слова не сказал о педагогической деятельности Машкова; между тем, вот уже 10 лет, как он непрерывно профессорствует во Вхутемас'е — ныне Вхутеин'е, — выпустив свыше сотни учеников. Если прибавить к ним тех, кто учился у него в его частной мастерской до революции, то их наберется много сотен. Машковская «школа» чувствуется в работах целого ряда художников, давно уже выставяющих на московских выставках.

И Машков

„Краскомы на пляже“

ОТ РЕДАКЦИИ:

не принятые рукописи не возвращаются.
АДРЕС РЕДАКЦИИ: Ленинград, 2, Фонтанка, 57.

ОБЕД У КОЧЕВНИКОВ

Пессимист

С виду это было просто:

— Поездка на Биченахский перевал.

Самая обыкновенная поездка в горы, где встречаются границы советской Армении, советского Азербейджана и советской Нахичевани. Но по существу это было:

— Путешествие в библейскую эпоху.

Мы влетели в нее на современном автомобиле, роняя в голубую нетронутость этих гор прозаические стуки мотора и горький запах бензина. Мы проделали путь от цивилизации к библейскому быту в несколько часов превосходной езды на «Мерседесе».

Дикий и цветущий берег Нахичеван-чая, редкие селения с глинобитными хижинами, абрикосовые рощи... Мы поднимаемся вверх один; лишь изредка встретится арба, переполненная женщинами и детьми, как пестрое лукошко на колесах. Это — кочевники-тюрки.

Раза два попались нам навстречу верховые в городском платье: это — армяне из Зенгезура, самой заброшенной и героической части Армении; дорога туда лежит через Биченах.

Чем выше в горы, тем пустынее земля и студе-нее воздух. На зеленом, девственном ковре — красные пятна дикого мака.

На вершине перевала, откуда открывается древняя гряда гор Армении и Азербейджана, нас окружают кочевники.

Темный пергамент морщин библейских стариков, юности с кнутами погонщиков, звонкие горные голоса... Вблизи темнеют юрты кочевья, за ними, на вечно-зеленых лугах — стада...

— Сколько вам лет? — спрашиваем старика-кочевника, лицо которого исчерчено глубокими письменами морщин, тогда как тонкое тело его еще полно хищной и ловкой грации.

Он отрицательно качает головой и усмехается, показывая на небо.

— Аллах знает, сколько лет может быть человеку. Разве упомнишь, сколько весен и зим живет человек на земле, среди баранов и верблюдов? Может быть пятьдесят, может быть тысячу!..

Старик, кланяясь и прикладывая руки к груди, зовет нас в свой алачых (юрту), он зарежет барана, он не отпустит гостей без пищи. Мы идем вслед за ним по влажным травам перевала к его жилью.

— Это — старый Муслим, — говорит переводчик, — он двадцать лет был бандитом, он считает себя героем. Свою жену, персианку, он украл из дома ее отца.

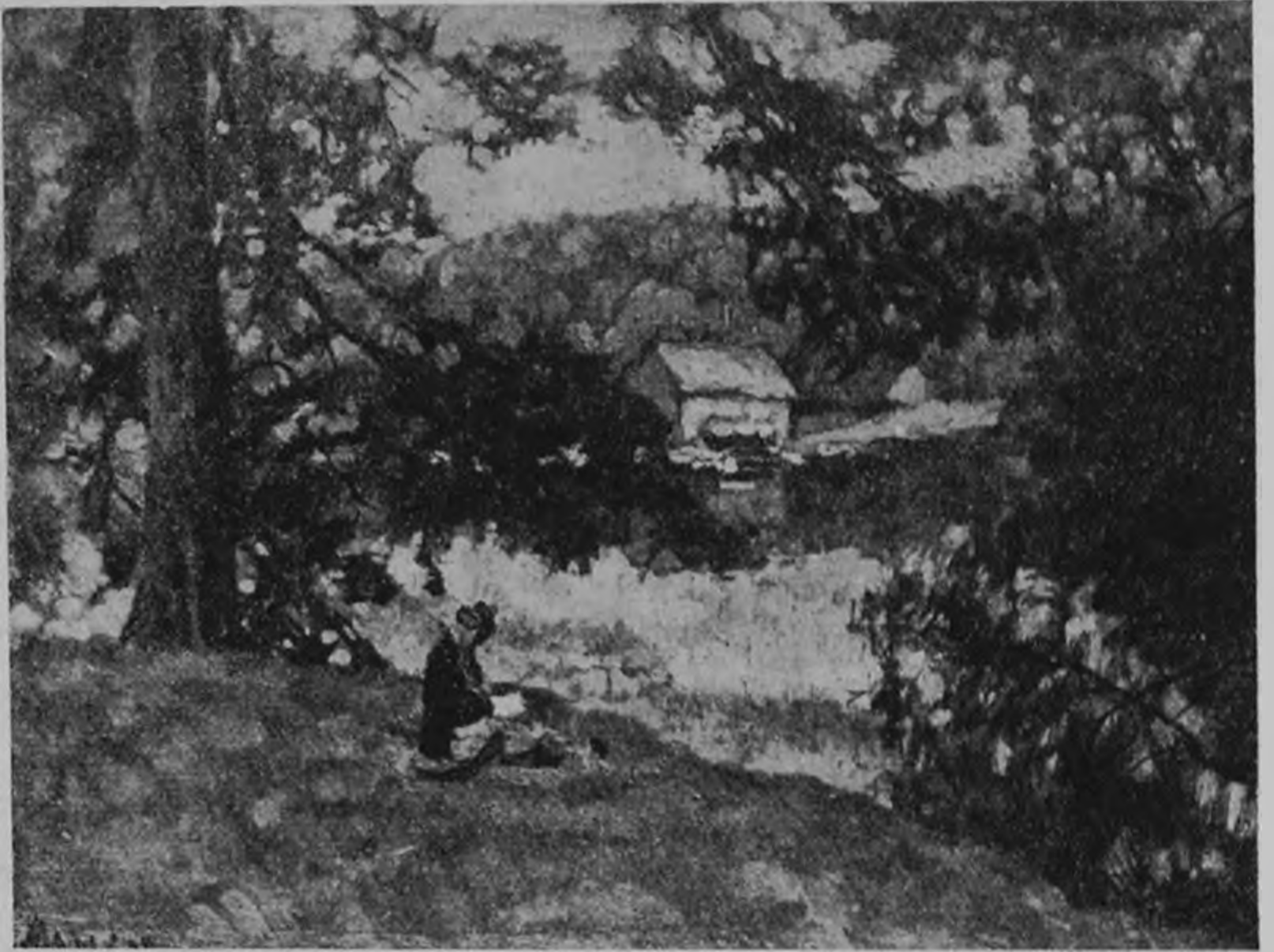
Старый бандит, Муслим, ласково улыбается нам, вежливо показывая дорогу к своему летнему дому.

— С приходом советской власти, — продолжает переводчик, — Муслим перешел на мирное положение и занялся ско-

товодством; у него 260 баранов. Его сын, который не хотел смириться, расстрелян...

Мы подходим к юртам в то время, когда зять Муслима подлетает к ним верхом; он уже успел поскать в стадо и взять оттуда молодого барашка, обреченного в жертву старинному обычаю гостеприимства.

Женщины, прикрываясь чадрой, низко кланяются гостям, бросая на них дикий, быстрый, стыдливый взгляд. Жена Му-

И. Машков

„Северный пейзаж“

лима, старая персианка, узнав уже каким-то непостижимым путем, что с нами Мамедхан Мамедханов, председатель нахичеванского Совнаркома, выкликает какие-то цветистые восточные приветствия:

— Вот и над моим домом взошло молодое солнце — Мамедхан.

Глаза старухи мечут черные молнии: ведь это они, эти люди убили ее сына, героя, бандита, наследника Муслима. Но велик закон гостеприимства, и старуха почти распластывается у наших ног с враждебно-сжатыми губами.

Муслим, между тем, с спокойной важностью взял барашка, повернул его головой к югу, к гробнице Магомета, — ибо иначе резать барана грех, и тихо занес над ним нож... Барашек кротко смотрел из под его рук печальными коричневыми глазами. Он не издал ни одного звука.

Затем заколотого барашка взял зять Муслима и необыкновенно ловко, как перчатку, снял с него шкуру. Женщины разводили огонь...

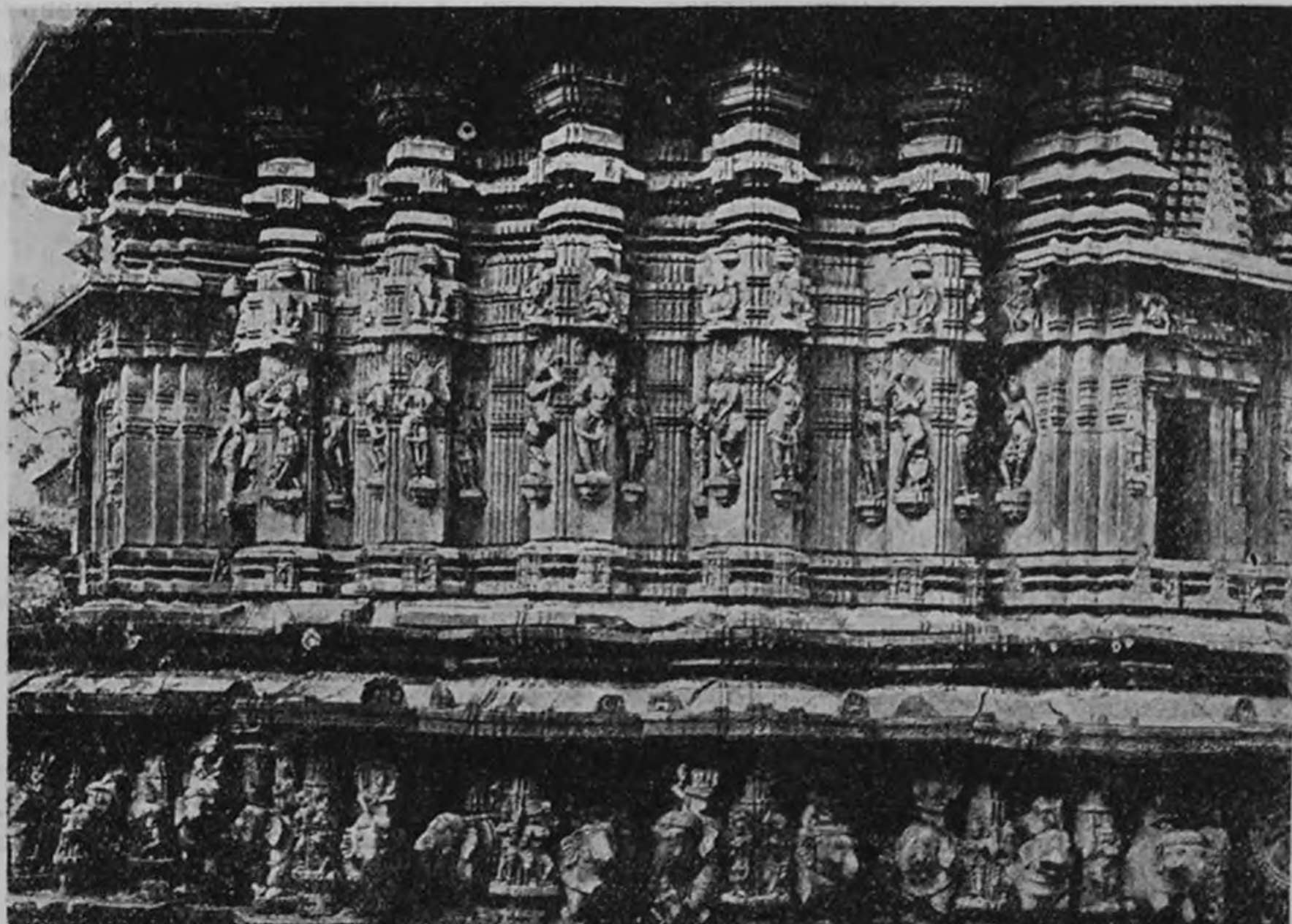
Мы уселись в глубине алачыха на дыновках, самотканых коврах, среди самодельной утвари и медных кувшинов. Здесь, в полумраке, в этом первобытном жилье кочевника, под смутное блеяние и мычание стад, жизнь, оставленная там, внизу, казалась неизмеримо далекой... За дыновками алачыха лепетали что-то дети кочевников, и детский этот лепет был такой, как во все века, везде.

Между тем, на дшипящих сковородах принесли жареное и вареное мясо, чай. Хозяйка вежливо стала позади нас, так как обычай запрещает есть с гостями, и завязалась оживленная и деликатная беседа...

Глава нахичеванского правительства дружески, подробно и с полным знанием дела говорит с кочевниками о пастбищах, о болезнях овец, и, попутно, о задачах советского государства в деревне.

Это была самая замечательная политическая беседа, какую мне когда-либо приходилось слышать.

Когда мы вышли из алачыха Муслима, было уже далеко за полдень. Кочевники провожали нас тихими и благочестивыми пожеланиями. Красивый старик с библейской бо-

Древне-индийский храм, занесенный речным илом и недавно открытый. Храм украшен различными скульптурными изображениями. Вдоль основания идет ряд художественных скульптурных фигур слонов

41
X
«На дворе завода»

Художник

М. Каплуш

КРАСНАЯ ПЯНОРЯМА

№ 37

Цена 10 коп.

